

С КОШЕЛОЧКОЙ

Авдотьюшка проснулась спозаранку и сразу вспомнила про кошелочку.

— Ух ты, ух ты, — начала сокрушаться Авдотьюшка, — уф, уф... Вчерась бидон молока несла, ручка подалась, прохудилась... Успеть бы зашить к открытию.

И глянула на старенький будильник. Когда-то будильник этот будил-поднимал и Авдотьюшку и остальных... Кого? Да что там... Есть ли у Авдотьюшки ныне биография?

Советский человек помнит свою биографию в подробностях и ответвлениях благодаря многочисленным анкетам, которые ему приходится весьма часто заполнять. Но Авдотьюшка давно уже не заполняла анкет, а из всех государственных учреждений главный интерес ее был сосредоточен на продовольственных магазинах. Ибо Авдотьюшка была типично продовольственной старухой, тип, не учитываемый социалистической статистикой, но принимающий деятельное участие в потреблении социалистического продукта.

Пока усталый трудовой народ вывалит к вечеру из своих заводов, фабрик, учреждений, пока, измученный общественным транспортом в часы «пик», втиснется он в жаркие душегубки-магазины, Авдотьюшка уже всюду пошнырять успеет, как мышка... Там болгарских яицек добудет, там польской ветчинки, там голландскую курочку, там финского маслица. Можно сказать, продовольственная география. Вкус родимого владимирского яблочка или сладкой темно-красной вишни она уже и вспоминать забыла, да и подмосковную ягодку собирает как помощь к пенсии, а не для потребления.

В еще живые лесочки с кошелочкой пойдет, как в продовольственный магазин, малинки-землянички подкупит у матушки-природы, опередит алкоголиков, которые тоже по-мичурински

от природы милостей не ждут, малинку на выпивку собирают. Так лесочки оберут, что птице клюнуть нечего, белке нечего пожевать. Оберут братьев меньших, а потом на братьев-сестер из трудящейся публики насыдут.

Продаст кошелочку подмосковной малинки — пятидесятиграммовую стопочку по рублю, купит килограмм бананов из Перу по рупь десять кило. Продаст чернички по рупь пятьдесят стопочку, купит марокканских апельсинов по рупь сорок кило. Чем не жизнь при социализме? Правильно говорят западные борцы за мир. Жаль только, что в наглядной своей агитации не используют они Авдотьюшкин баланс, Авдотьюшкину прибавочную стоимость.

Социализм — это распределитель. Каждый кушает по заслугам. А заслуженного народа при социализме множество. Едоки с правительственных верхов, или с ледовых арен, или с космических высот, или из президиумов творческих союзов общеизвестны, и они вне нашей темы. Наш рассказ не про тех, кто ест, а про тех, кто за ними крошки подбирает.

Справедливости ради следует сказать — трудная это работа. Вот уж где принцип социализма полностью соблюден: кто не работает, тот не ест. Только работа эта не в том, чтоб производить продукты, а в том, чтоб добывать продукты. Принцип, собственно, не новый. Испокон веков продукт можно было либо купить, либо взять разбоем. Но в период развитого социализма оба эти элемента оказались объединенными. Продукт и надо сначала взять разбоем, а потом уж его купить. Ибо не в лесу мы, не на большой дороге. Соловью-разбойнику здесь делать нечего. Кистень, гирька на веревочке, привязанной к палочке в качестве орудия труда, здесь не проходит. Гирька теперь в товарообмене используется не для проламывания черепа, а для взвешивания-обвешивания. Хотя череп проломить могут, если как следует «пихнут». Однако про «пихание» ниже. Следует только добавить, что, как при всяком труде, нужен профессиональный опыт и соблюдение техники безопасности. Авдотьюшка, продовольственная старуха, в торговом разбое участвовала давно, опыт имела, а орудием труда у нее была кошелочка. Любила кошелочку Авдотьюшка и, готовясь к трудовому дню, приговаривала:

— Ах ты моя кормилица, ах ты моя Буренушка.

И план у нее был заранее составлен. Сперва в «наш» — это магазин, который рядом с домом. Посля в булочную. Посля в большой, универсальный. Посля в мясной. Посля в молочный. Посля в «килинарую». Посля в магазин возле горки. Посля в другую «килинарую». Посля в магазин, где татары торгуют. Посля в овощной ларек. Посля в булочную против ларька. Посля в магазин возле почты... Нехороший магазин, опасный. Скорее всего, там «пихнуть» могут. Народ там неснисходительный, из ближайших домов завода резиновых изделий народ. Но там-бовский окорочок двести граммов Авдотьюшка именно там добыла. Полмесяца назад это приятное происшествие случилось. Однако авось опять повезет. А пихнут, падать надо умеючи, не так, как Мартыновна. До сих пор в больнице лежит. Полезла к прилавку, а там прототряд пригородных, прибывших на автобусе.

Подобные автобусы в большом количестве направляются местными фабрично-заводскими комитетами из подмосковных городов для ознакомительных экскурсий с культурными объектами столицы: Третьяковская галерея, достопримечательности Кремля, Большой театр... Народ приезжает крепкий, широкоплечий или юркий, хитрый. И до зубов тарой вооруженный. Организованный народ. Но о культурных экскурсиях сообщим по ходу...

Время уже на будильнике позднее. Вот-вот откроются продовольственные объекты, и начнется у Авдотьюшки рабочий день. Собрала Авдотьюшка кошелочку, яблочко припасла пососать, валидолчик для спасения, перекрестилась, пошла...

Зашла в «наш» и сразу в горячее дело попала — кур дают... Да не мороженных, каменных, а охлажденных и полупотрошенных... Кабы курочку Авдотьюшке. Стара уже Авдотьюшка, острого организм не принимает. Огурчика-помидорчика соленького съест — так рыгает, так рыгает...

Намедни побаловалась помидорчиком соленьким с картошечкой. Вышла подышать. Ноги старые быстро устали. Села на скамеечку. А рядом молодые, он да она, сидят шепчутся-оговариваются и в промежутках целуются. Он ее поцелует, Авдотьюшка рыгнет. Он снова, и Авдотьюшка опять. Он подходит и шепотом:

— Уйди, старая, а то последний зуб выблю.

Ух, ух, напужал Авдотьюшку, уф, уф.

Но Авдотьюшка не пужливая.

— Я по закону организма рыгаю, — говорит, — а ты против закона общества фулиганишь! Сейчас мельницера позову...

Сильна Авдотьюшка, сильна. Социализм ее права ограждает, старость бережет. Молодежь доцеловываться на другую скамейку ушла, а Авдотьюшка здесь свое дорыгала помидорчиком.

Хорош помидорчик-огурчик, да сердит. А бульончик старые косточки пожалеет, погладит. От куриного мясца голова не тяжелая и поноса нету. Как бы курочку Авдотьюшке, чтоб силы поддержать, не уступить прежде времени место в жизни наглой молодежи.

Пригляделась Авдотьюшка опытным глазом. Очередь хоть и большая, да мирная, вялая, народ говяжий стоит. Лицо — затылок, лицо — затылок... Пошла потихоньку Авдотьюшка, пробирается и к курам приглядывается с любовью. «Цып, цып, цып, — про себя приговаривает старая лисица-сестрица Авдотьюшка, — поем курятинки, поем. Народ говяжий, шуметь не станет. Объем народец на одну курочку». Вот он, курятник, на прилавке. Которую курочку цап-царап Авдотьюшка? Которая в кошелочку ляжет? Да вдруг беда... Беда-злосчастье — слепая идет... Авдотьюшка слепую эту знала и избегала в своей борьбе за продовольствие. Слепая эта была женщина средних лет или даже ниже средних лет, и лицо имела обычное, говяжье, из очередей. Но имела привилегию, не видела окружающую действительность и гордилась этим перед народом, словно она депутат или Герой Союза. Придет, сразу вперед лезет, толкается, на народ сердито кричит. Если бы попросила или хотя бы молча подошла, народ бы смолчал. Но идет специально свое превосходство и привилегию показать и набирает много.

— Сколько надо, столько и беру, — кричит, — и еще если слепой придет, возьмет по закону сколько надо, а вы, зрячие, здесь стойте до охречения.

Кричит и гребет курицы с прилавка... На весы и к себе, на весы и к себе... В руках не кошелочка, рюкзак... Руки крепкие, жилистые... Волчица... И ту курочку сгребла, которую Авдотьюшка себе приглядела. Разозлилась Авдотьюшка, забыла, что сама не в очереди.

— Не по закону, — кричит, — не по закону.

Заволновалась и очередь. Мирная-то она мирная, да ведь кастрюли, миски, ложки за спиной — семья. Задние зашумели — не достанется, и передним обидно — два часа в духоте на ногах.

— Не положено, — кричат, — пусть слепым, кривым, глухим отдельный магазин организуют.

А слепая волчица с очередью скандалит.

— Ты сама такая, — кричит.

— Не такая, а такой, — отвечают ей.

Глазами не видит, а когда очередь шумит, мужской голос от женского не всегда отличишь.

— Дура, — кричит.

— Это ты дура, — отвечают ей, — а я дурак, раз третий час на ногах стою.

Сама Авдотьюшка виновата. Не закричала бы, может, и очередь смолчала бы... Ох, беда-злосчастье... К такой очереди не подступишься, не выпросишь у такой очереди курочку... Да и слепая волчица слишком много награбила... Ушла с пустой кошелочкой Авдотьюшка. С горя в булочную зайти забыла, сразу зашла в большой магазин.

В большом магазине покою никогда нет. Человек туда нырнул, волны подхватили, понесли... Из бакалеи в гастрономию, из гастрономии в мясной... И всюду локти-плечи, локти-плечи... Одно хорошо — пихнуть здесь не могут, падать некуда. Но локтем в обличье-морду—это запросто.

Вот вывезли на тележке горой плоские коробки селедки. Для Авдотьюшки такая ситуация мед-печенье... Очереди-порядка нет, разбой в чистом виде. Кто схватит. Тут не лисья хитрость Авдотьюшке нужна, а мышьяная. Как в цирке: раз, два—тележка уже пустая. Оглядывается народ, смотрит, что у кого в руках. Мужчины схватили одну-две... Некоторые схватили воздух, стоят злятся. Лидируют крепкие, умелые домохозяйки — по три-четыре коробки. Есть и одинокие старушки среди лидеров. У Авдотьюшки три коробки в кошелочке...

Вообще, если продовольственные старухи объединяются— это грозная сила. Однажды семь старух, в том числе Авдотьюшка, перли к прилавку, друг на друга опираясь цепочкой. А передняя, Матвеевна, которая ныне с переломом в больнице, опиралась на палку-клюку. Всех раскидали, добыли польской ветчинки. Правда, предварительно ситуацию оценивать надо. Напри-

мер, в такую ситуацию, которая у мясного отдела, лезть нельзя... Что-то вывезли, а что — не ясно. Полутолкучка, полупотасовка. Некоторые натянуто улыбаются. Это те, кто пытается свое озверение превратить в шутку. Однако большинство лиц серьезные и злые. Работают...

Ой, уходи, Авдотьюшка. Схватила селедочку, уходи. Селедочка не бульончик, по кишкам плывет щекотно, и отрыжка у ней болезненная... Но ведь хочется. Не докторам же все угождать, и себе угодить надо. Картошечка соль возьмет, а сладкий чаек вовсе успокоит. Схватила жирной селедочки, уходи, Авдотьюшка, пока цела. Уходи, Авдотьюшка...

Да день неудачный, все не так... Поздно спохватилась Авдотьюшка. Было не повернешься, стало не вздохнешь... И новым запахло — махрой-самосадом, дегтем, дегтем посадским... Вот и автобусы их экскурсионные возле универсама.

В каждом автобусе передвижной штаб продотряда. Сюда купленное-награбленное сносят. Весь автобус в кулях, мешках, авоськах. В разных направлениях движутся бойцы — крепкорукые мужчины и женщины. А в разведке верткая молодежь. Бежит деваха конопатая.

— Дядя Паршин, тетя Васильчук велела передать, растительное сало дают.

— Какое еще сало, лопухая?

— Желтое, — радостно кивает конопатая, — я влезла, смотрю, дают... А тетю Васильчук какой-то как поддал плечом...

Но дядя Паршин уже не слушает.

— Ванюхин, Сахненко! С бидоном!

Побежал боевой расчет с бидоном на сорок литров... Ох, много посадских, ой, моченьки нет... И еще бидон вперли.

— Ой, помо... помогите! Помо...гите!

Лихо работает посад. Колбасу, сыр, крупу по воздуху транспортирует. Жатва идет. Не пожнешь, не пожуеть. А не пожуеть, возьмешь партийную газетину — раздражаешься. Худо, если в посадке идеологические шатания начнутся. Посад, это ведь кто? Это лучшие драчуны России... «Мы если хоть как-то сыты будем, кому угодно накостыляем... Чехам- полякам во имя борьбы за мир на лысину плюнем, чтоб остыли... Мы ж раньше велосипедными цепями, смоченными в керосине, дрались, а танками-ракетами любому империалисту морду набьем. Ты только

свистни, ЦК, ты только крикни: «Товарищи, полундра!» Но во все без еды никак нельзя, ЦК. Посад твоя опора, батька ЦК, а ты шлюху Московию кормишь... Хотя у тебя и в Московии не всегда водка в наличии для заправки организма».

Вот трое московских пролетариев. Одутловатый в очках митингует.

— Надо председателю Моссовета звонить, что нет водки и мяса.

Это уже в другом месте. Это магазин возле горки.

— В Моссовет звонить надо!

Пролетарий поумней.

— А разве он виноват?

— Кто? А как же? Он обещал сделать Москву образцовым городом... На бумаге... На бумаге!!! — третий раз крикнул, чуть не раскололся.

Седой пролетарий, по виду общественник, к работнице магазина:

— Почему ничего нет?

Работница магазина:

— Нигде нет.

— Неправда... Вовремя заявку не дали. Где заведующая?

— Идите, — усмехается работница магазина, — в отделе бакалеи.

Пошел... Пошел русский человек правду искать... Любимое занятие. Долго ходить будет... Мы за ним не пойдем, мы за Авдотьешкой.

Спаслась Авдотьешка. И кошелочку спасла... Авдотьешка вдоволь на свете пожила, умная. Она не правду ищет, а продукты питания. Да день такой, что уж не по плану. Зашла в одну «килинарую». Тихо, спокойно, воздух чистый, и прилавки чисто прибраны. Хоть бы что туда положили для виду. Хоть бы кость собачью. Продавщица сидит, рукой щеку подперла. Народ входит, ругается-плюется. А Авдотьешка вошла, постояла, передохнула и спрашивает:

— Лангетика посвежее не найдется, милая? Или антрекотика помягче?

— Ты, видать, бабка, адресом ошиблась, — отвечает ей продавщица, — тебе не в кулинарию надо, а к главному врачу... Не видишь разве, что на прилавке?

Авдотьюшка не обиделась.

— Спасибо, — говорит, — за совет.

И в другую «клинарию». Заходит — есть! У какой-то «шляпы» почки отбила.

Почки эти как в анатомичке одиноко мокли на блюде, и «шляпа» их изучал-нюхал. То снимет очки, то наденет. Авдотьюшка быстро к кассе и отбила.

— Как же, — кричит интеллигент, — я первый.

— Вы нюхали, а мамаша отбила, — говорит торговый работник.

— А другие?

— А других нет... Вот купите деликатес, редко бывает.

Глянул интеллигент — что-то непонятное. Прочитал этикетку: «Икра на яйце». Пригляделся, действительно, не свежее, но яйцо вкрутую, пополам разрезанное. А на сероводородном желтке черный воробьиный навоз.

— Где же икра?

— Сколько положено, столько есть. Тридцать грамм. А сколько вы хотели за такую цену?

Цена такая, что еще при волонтаристе Хрущеве, еще накануне исторического октябрьского пленума 1964 года, внесшего перелом в развитие сельского хозяйства, за такую цену двести грамм хорошей икры купить можно было в любом гастрономическом магазине. Быстро же движется Россия, словно за ней собаки гонятся... А куда спешим? Сесть бы передохнуть, подумать, отереть пот со лба. Но попробуй скажи. Политические обозреватели засмеют.

Каждый вечер обозреватели-надзиратели в камеру заглядывают телевизионную, как в тюремный глазок. Про западные неудачи рассказывают и про восточные успехи. Успехи, конечно, есть, отрицать нельзя. Икру эту, например, для яйца только на электронных весах взвесить можно, как элементарные частицы.

Так рассуждал язвенник-интеллигент. А Авдотьюшка отбитые у интеллигента почки в кошелочку, и пошла. Оно и лучше. Интеллигент этот почки на сковородку бросит, обуглит, прожует вместе с горечью, сглотнет комками, а потом к нему ночью «скорую помощь» вызывай. Авдотьюшка же почки в холодной воде вымочит, горечь сольет, проварит. Мягонькие станут. Потом

на сковородку с маслицем, ложечку мучицы, лучку добавит. Если и пойдет от почек отрыжка, то спокойная, аппетитная.

Вот так живет Авдотьюшка, продовольственная старуха без биографии. Приспособилась. Заглянет в ее маленький телевизор политический обозреватель — а она почками лакомится. Искажится, перекожится лицо политического обозревателя, заорет он не своим голосом, поскольку телевизор давно неисправный. Да что поделаешь. Икорку или колбаску сырокопченую уже употреблять запретили, а почки еще жевать разрешено. И иные продукты все ж еще окончательно не реквизированы. Обильна, обильна Россия. В одном месте очередь за индийским чаем, в другом за болгарскими яичками, а в третьем за румынскими помидорами. Стой и бери.

Вошла в молочную Авдотьюшка. Мирный и покойный продукт молоко, безалкогольный напиток. Его младенцы и диетчики потребляют. Случаются здесь и спокойные очереди. Да только не сегодня, когда финское масло в пачках дают.

Голоса из очереди — это не голос очереди. Вообще очередь, как коллектив, еще недостаточно изучена социологами. Очередь формирует психику человека, его отношение к жизни. Да где взять этим социологам опыт Авдотьюшки.

Вошла Авдотьюшка, послушала: очередь звенит, как циркулярная пила, когда на предельных оборотах она на камень натывается... Лицо у очереди гипертоническое, бело-красное. Вот уж поистине кровь с молоком... Авдотьюшка задком, задком и к татарам в магазин, где татарин заведующий, а его жена сок продает...

А на татар украинский степной набег... Махновцы... Форма у всех одна: платки, плюшевые тужурки-кацавейки. Руки тяжелые, багровые, лица малиновые и чесноком дышат...

Хотя и русский человек, особенно почему-то милиционер, в последнее время чесноком дышит... От колбасы, что ли, некачественный состав которой хотят чесноком заглушить?

Перекликаются махновцы.

— Текля, де Тернь?

— З Горпыной за шампаньским пишов.

Если посадские-пригородные грабят предметы первой необходимости, то махновцы грабят предметы роскоши. Привезут на

рынок мешки тыквенных семечек или груш-скороспелок, набьют мешки деньгами, а потом в те мешки дорогие деликатесы.

Вот Горпына помогает взвалить Текле на плечо мешок шампанского. Вот у Терня в обеих руках раздутые рюкзаки с плитками шоколада, с коробками шоколадных конфет.

Вспоминаются смазанные дегтем партизанские тачанки с награбленным дворянским имуществом. Но теперь грабеж особый. Не по Бакунину, а по Марксу. Товар — деньги — товар...

Советский магазин — это и история, и экономика государства, и политика, и нравственность, и общественные отношения.

Деревянный ларек. Торговля овощами.

— Сейчас закрою, не буду отпускать!

— Не закроешь, это государственная торговля, не частная лавочка. И люди стоят государственные.

Лучшее применение овощам из государственной торговли — выбросить их. Но стоит народ, надеется, что не все сгнили, не все привезли зеленым, незрелым.

Рыбный.

— Две рыбки.

— Я буду еще две рыбки...

— Хулиганка!

— Кто?

— На...

— Себе возьми...

— Пошел...

Идем дальше... Какой-то еще отдел.

— Сколько дают?

— Все равно всем не достанется...

— По два кило...

— Вы стоите?

— Нет, я лежу...

— Что?

— Пошел...

Перманентная холодная война горячего копчения не затихает. Вот где раздолье борцам за мир. Вот где бы иностранным дипломатам изучать проблемы. Взять авоську, набить пустыми кефирными и винно-водочными бутылками, надеть грязную рубашку, постоять перед калорифером, вспотеть и идти в магазин.

Надо уметь толкаться локтями, зло пялить глаза и знать по-русски одну фразу:

— Пошел ты...

А конец фразы можно произносить на своем языке. Все понимают, куда посылают. Но иностранец в России личность привилегированная. Они или в «Березку», или на Центральный рынок.

На Центральном рынке изобилие высококачественных продуктов и иностранные марки автомашин. Страна умеет выращивать крепкие солнечные помидоры и прохладные пахучие огурцы, десертные груши с маслянистой мякотью и ароматные персики, которые так красивы, что могут не хуже цветов украсить праздничный стол. Страна может выложить на прилавки нежные желтовато-белые тушки гусей, уток, кур, индеек. Груды свежего мяса. Куски малосоленного, тающего во рту сала, пряной рыбы, жирного бело-кремового творога, густой сметаны... Здесь, на Центральном рынке, время нэпа, здесь нет поступательного движения вперед к коммунизму, нет перевыполнений плана, грандиозных полетов в космос, борьбы за мир. Здесь приобретенный по обмену руководитель чилийской компартии мирно копается в грудях пахучей грузинской зелени, напоминающей ему родную латиноамериканскую.

Хорошо на Центральном рынке. Но и обидно до слез. Хочется подойти к генеральному секретарю чилийской компартии, пока у него лицо не злого пулеметчика, а доброго повара, и сказать:

— Уважаемый камрад Лучо, гражданин начальник, — мы б польстили даже ему, на тщеславие бы ставку сделали, — вы же боретесь за освобождение угнетенных и голодных от эксплуатации. Так помогите Авдотьюшке как интернационалист. Пожайте Авдотьюшку, раз она сама себя пожалеть не может. Она старая, больная, у нее катар желудка, плохое зрение, больная голова и другие недостатки трудной старости, как следствие трудной молодости. Скажите там, наверху вашим друзьям, товарищам по мировой революции, нашим непосредственным руководителям про Авдотьюшку. И про дураков посадских скажите, их тоже жалко. И про интеллигента в шляпе. И даже про «махновцев», которые мешками шампанского себе сосуды расширяют, сердце надрывают. Вы не обижайтесь, камрад, не зеленейте от

гнева, не искажайте свой известный профиль пламенного революционера. Если про эксплуатацию мы неудачно сказали, то берем свои слова назад. Мы не с крайних позиций выступаем. Мы не согласны с теми, кто считает, что Политбюро умышленно мучает Авдотьюшку в очередях и морит ее голодом. Можно было бы расстелить какое-нибудь красное знамя-самобранку и сказать: «Кушайте-наслаждайтесь, Авдотьюшка», — политбюро бы это с радостью сделало. Конечно, гонка вооружений мешает. Но ведь и на Западе гонка, однако берлинские и лондонские старушки в очередях не мучаются. Почему? Сталинский колхоз Авдотьюшку притесняет, главное наследство Сталина нынешним начальникам партии и правительства. Чтоб накормить Авдотьюшку, нужны коренные изменения, равные реформам 1861 года, отмене крепостного права. Конечно, это потяжелей, чем танки куда-либо послать или в космос интернациональный экипаж запустить. Такие реформы и в прошлом не под силу были одному лишь правительству. Ныне тем более не под силу, какой бы внешней неограниченной властью оно ни обладало. Для таких реформ необходима помощь правительству со стороны живого свободного общества.

Мы умеренно с Лучо говорить будем, а он возьмет, да и вытащит из кармана милицейский свисток. Потому что каждый из партийных функционеров, какую бы должность он ни занимал, остается постовым партии.

Вот те раз... Мы ведь еще конкретное предложение внести не успели. Пока до великих реформ дойдет, Авдотьюшке сегодня жить надо. И посадским. И интеллигенции. На Западе немало теневых сторон, там пособия по безработице. А здесь при развитом социализме, может, пособия ввести для работающих? Чтоб хоть иногда Центральный рынок посещать могли, рядом с вами в грузинской зелени покопаться, рядом с неграми свежего мяса выбрать...

Да где там, уже свистит Лучо, камрадов-интернационалистов из ближайшего отделения милиции созывает... Бежать, бежать надо... А то поведут. Глянет Авдотьюшка из ближайшей очереди и скажет посадским:

— Вона, карманника поймали...

Нет политического сознания у Авдотьюшки, нет потребности в свободе слова и свободе шествий у посадских. Об этом еще

старик Плеханов говорил. Но потребность в мясе у них есть. Хотя в настоящее время на Центральном рынке потребность эту классово чуждый элемент удовлетворяет. Племенные вожди-дипломаты из африканских стран. Колониальное прошлое позади, как бы к людоедскому позапрошлому не вернулись...

Говорят, вкусно человеческое мясо. Молодую свининку напоминает. Один прогрессивный негр-гурман своими соображениями поделился... Может, преждевременно минули времена каннибализма? Может, лучше было бы, если б Гитлер был не вегетарианец, а людоед? Да и Сталин удовлетворился бы тем, что съел зажаренного Зиновьева под соусом «ткемали» и похлебал бы супец из крови Бухарина Николая Ивановича. Есть чернина, польский супец из гусиной крови. А чем человечья хуже? Точно так же можно смешать ее с уксусом, чтоб она свернулась, добавить в бульон из потрохов Николая Ивановича, туда же сушеные фрукты, овощи, лист лавровый... Вкусно... Позавтракает товарищ Сталин кем-нибудь из Политбюро, пообедает парочкой пожирней из ЦК, а поужинает представителем ревизионной комиссии... Съест один состав, другой на партсъезде выберут. Жалко и этих, но что ж поделаешь, если человеческая история жертв требует. Только раньше их ели, а теперь их жгут или закапывают. Вот и негры теперь уже не те, прогресс свое взял. Покупают свежей свининки, говядинки, баранинки, а кого убьют, в землю закапывают. Продовольственный продукт даром пропадает.

Про негров Авдотьюшке как-то Матвеевна рассказывала.

— Первым,— говорит,— к нам Поль Робсон приехал... Но тот хоть пел, а эти только зубами блестят и зубочистками наш хлеб выковыривают...

Несознательная Матвеевна, интернациональных принципов не понимает. И Авдотьюшка несознательная.

— Ух, ух... Ух ты, ух ты... Бестии какие...

А где же она, наша Авдотьюшка? Совсем ее потеряли... Да вот же она, в передвижной очереди... Имеются и такие... Подсобник в синем халате тележку везет, на тележке импортные картонные ящики. Что в ящиках, непонятно, но очередь сама собой построилась и следом бежит. А к очереди все новые примыкают. Авдотьюшка где-то в первой трети очереди- марафона... Должно хватить... Взмокли у Авдотьюшки седые волосы, чешутся под платком, сердце к горлу подступило, желудок к мочевому пузы-

рю прижало, а печень уже где-то за спиной ноет-царапает. Но от-
стать нельзя. Отстанешь, очередь потеряешь. Подсобник с по-
хмелья проветриться хочет на ветру, везет, не останавливается.
Кто-то из очереди, умаявшись:

— Остановись уже, погоди, устали мы, торговлю начинай...

А толстозадая из торговой сети, которая в коротком нечи-
стом халате сзади за тележкой ступает:

— Будете шуметь, вовсе торговать не стану.

Тут из очереди на робкого бунтаря так накинулись, затюкали.

— Не нравится, домой иди прохладиться... Барин какой,
пройтись по свежему воздуху не может. Они лучше нас знают,
где им торговать. Им, может, начальство указание дало.

Бежит дальше Авдотьюшка вслед за остальными. А пьяный
подсобник нарочно крутит-вертит. То к трамвайной остановке,
то к автобусной... И толстозадая смеется... Тоже под градусом...
Измываются, опричники...

В нынешней государственной структуре имеют они непо-
средственную власть над народом наряду с участковыми, управ-
домами и прочим служивым людом... Авдотьюшка как-то
в Мосэнерго приходит, куда ей добрые люди дорогу указали,
плачет. Девчонки молодые там работали, еще не испорченные,
спрашивают:

— Что вы плачете, бабушка?

— Бумажки нету, что за электричество плотят. Выключат,
говорят, электричество. А как же я без электричества буду?
В темноте ни сварить, ни постирать. — И протягивает старую
книжечку исписанную, которую добрая соседка заполняла.

— Ах, у вас расчетная книжка кончилась? Так возьмите дру-
гую.

И дали новенькую, копейки не взяли. Как же их Авдотьюшка
благодарила, как же им здоровья желала. И сколько же это надо
было над ней в жизни поизмываться в разных конторах, чтоб та-
кой страх у нее был перед служивым народом. А здесь не просто
служивые, здесь кормильцы.

Бежит Авдотьюшка, хоть в глазах уже мухи черные. А под-
собник вертит, подсобник крутит. Куда он, туда и очередь, как
хвост. На крутом повороте из очереди выпал инженер Фишеле-
вич, звякнул кефирными бутылками, хрустнул костями. Не вы-
держал темпа. Но остальные с дистанции не сходят, хоть силы

уже кончаются. Спасибо, подсобник перестарался, слишком сильно крутанул, и картонные ящики прямо посередине мостовой повалились... Несколько лопнуло, и потек оттуда яичный белок-желток. Обрадовалась очередь — яйца давать будут. Легче уже. И товар нужный, и бежать за ним более не надо. Стоит очередь, дышит тяжело, отдыхает, пока подсобник с толстозадой совещаются-матерятся. Выискались и добровольцы перенести ящики с середины мостовой под стенку дома. Началась торговля...

Отходчив душой русский и русифицированный человек... Быстро трудности-обиды забывает, слишком быстро забывает.

В связи с катастрофой принял подсобник с толстозадой на совещании решение: по просьбе трудящихся отпускать — десяток целых, десяток треснутых яиц в одни руки. И вместо «яйца столовые» присвоить звание и впредь именовать их «яйца диетические» с повышением цены на этикетке. Но при этом будут выдаваться полиэтиленовые мешочки бесплатно. Хорошо. Авдотьюшка целые яички в один полиэтиленовый пакетик, треснутые, уже готовые для яичницы, — в другой пакетик, расплатилась по новой цене, все в кошелочку сложила и пошла довольная. Зашла в булочную, хлеба прикупила. Половина черного и батон. За хлебом в Москве пока очередей нет. Если еще за хлебом очередь, значит, уж новый этап развитого социализма начался. В целях борьбы с космополитизмом запретят американское, канадское, аргентинское и прочее зерно потреблять. Но пока еще в этом вопросе мирное сосуществование. Хорошо выпечен хлебец из международной муки. Мяса бы к нему. Курятины-цыплятины не досталось, так хоть бы мяса... Мясной магазин вот он, перед Авдотьюшкой. Шумит мясной, гудит мясной. Значит — дают. Заходит Авдотьюшка.

Очередь немалая, но без буйства. Обычно мясные очереди одни из самых буйных. Может, запах во времена пращура переносит, когда представители разных пещер вокруг туши мамонта за вырезку, дрались? Человеку одичать легче, чем кружку пива выпить. Каждый знаком с некими неясными позывами, с неким томлением в груди. Хорошо еще, если на основании подобных позывов человек принимает решение облить кипятком тещу. А то ведь и важные государственные решения принимаются: газами удавить, расстрелять, в тюрьме сгноить. А дали б такому

гражданину, вождю-фюреру, возможность без штанов на дерево залезть, может, история народов выглядела бы по-иному.

Вот такие мысли приходят в московской мясной очереди, когда ноздри щекочет запах растерзанной плоти. Принюхалась и Авдотьюшка, хищница наша беззубая. Пригляделась... Вона кусочек какой лежит... Не велик и не мал... Эх, достался бы... Авдотьюшка б уж за ним как за ребеночком поухаживала, в двух водах обмыла, студеной и тепловатой, от пленочек-сухожилий отчистила, сахарну косточку вырезала и в супец. А из мякоти котлетушек-ребятушек бы понаделала... Выпросить бы мясца у очереди Христом-Богом. Не злая вроде очередь.

Только так подумала, внимательней глянула — обмерла... Кудряшова в очереди стоит, старая вражина Авдотьюшкина... Кудряшова, матерая добытчица, становой хребет большой многолетней прожорливой семьи, которую Авдотьюшка неоднократно обирала... У Кудряшовой плечи покатые, руки-крюки. Две сумки, которые Авдотьюшка и с места не сдвинет, Кудряшова может на далекие расстояния нести, лишь бы был груз-продовольствие. Кудряшова и роженица хорошая. Старший уже в армии, а самый маленький еще ползает. Сильная женщина Кудряшова, для очередей приспособленная. Кулачный бой с мужчиной обычной комплекции она на равных вести может. Но если схватить надо, а такие ситуации, как мы знаем, в торговле бывают, тут Авдотьюшка расторопней Кудряшовой, как воробей расторопней вороны. То кочанчик капусты из-под руки у Кудряшовой выхватит, то тамбовский окорок в упаковке.

— Ну погоди, ведьма, — ругается-грозит Кудряшова, — погоди, я тебя пихну.

— А я милцинера позову, — отвечает Авдотьюшка, — ишь пихало какое.

А сама боится: «Ой, пихнет, ой, пихнет».

Теперь самое время сообщить, что ж это такое — «пихнуть». Есть старое славянское слово — пхати, близкое к нынешнему украинскому — пхаты. По-русски оно переводится — толкнуть. Но это не одно и то же. Иное звучание меняет смысл, если не в грамматике, то в обиходе оба слова существуют одновременно. Толкнуть — это значит отодвинуть, отстранить человека. Бывает, толкнули — и извините, говорят, пардон. А если уж пихнули,

так пARDону не просят. Потому как пихают для того, чтоб человек разбился вдребезги.

«Ой, пихнет, — думает Авдотьюшка, — ой, пихнет».

Но очередь тихая, не воинственная, и Кудряшова тихая. Исподлобья на Авдотьюшку косится, но молчит. В чем тут причина? Не в мясе причина, а в мяснике.

Необычный мясник появился в данной торговой точке. Мясник-интеллектуал, похожий скорее на ширококостого из народа профессора-хирурга в белой шапочке на седоющей голове, с крепким, налитым, упитанным лицом, в очках. Мясник веселый и циничный, как хирург, а не мрачный и грязный, как мясник. Очередь для него объект веселой насмешки, а не нервного препирательства. Он выше очереди. Огромными, но чистыми ручищами берет он куски мяса и кладет их на витрину, на мясной поднос. И в ответ на ропот очереди, требующей быстрее обслужить, без запинки читает «Евгения Онегина».

— Чего там, — ропщет некая с усталым лицом, видать, не впервой сегодня в очереди стоит, — чего там... Вы для обслуживания покупателей поставлены.

— Глава вторая, — отвечает ей мясник, —

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали села; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запушённый сад,
Приют задумчивых дриад.

Странная картина. Странные она вызывает идеи. И неожиданные из нее проистекают выводы. Первый вывод — Пушкина мясной очереди должен читать мясник. Собственно, это главный

вывод, ради которого есть смысл немного поразмышлять в духоте магазина. Цинично, вульгарно бренчит мясник на пушкинской лире, но все ж чувства добрые пробуждает. Народ безмолвствует, соответственно финальной ремарке из «Бориса Годунова». Тихо стоит. Не слушает Пушкина, но слышит. Попробуй прочесть мясной очереди Пушкина крупный профессор-пушкинист или известный актер- исполнитель. Хорошо, если это вызовет только насмешки. А то ведь еще злобу и ненависть. Нет, культуру народу должна нести власть. Скажете, что ж это за культура, что ж это за Пушкин? Ответим на это совсем с иного конца. Ответим тоже вопросом. Вам приходилось наблюдать, как восходит солнце? Не над пышной субтропической зеленью, которая знает, что такое солнце, которая сознательно живет им и которая академически солидно ждет его восхода. И не над тихой, поросшей травой лесной поляной, которая сама составляет крупницу солнца, которая верит в него и для которой восход солнца есть ее собственное интимное чувство. Мы имеем в виду восход солнца над безжизненными северными скалами. Казалось бы, зачем мертвому жизнь? Зачем холодным камням солнце? Спокойно, тяжело, монотонно лежат камни в глухой ночи, покрытые льдом и снегом, безразлично встречают камни серый, короткий день, принимая на бесчувственную грудь свою острые порывы ветра. Но восходит над ними солнце, слабое подобие жаркого, плодоносного или ласкового, мягкого, знакомого нам солнца, восходит солнце, от которого субтропической зелени или лесной полянке стало бы страшно и тоскливо. А скалы вдруг меняются. Розовеют камни, мох да лишайник появляются, и какое-то невзрачное насекомое выползает из расселины навстречу этому короткому празднику. Хоть и не осознает, может, откуда пришел свет, почему утих ветер, почему нет безразличия к холоду и что это за новое не чувство даже, а ощущение теплоты и покоя. А взойди над северными камнями южное или даже мягкое умеренное солнце, это была бы катастрофа. Потрескались бы холодные камни, высох лишайник, погубило бы, сгорело невзрачное насекомое. Холодному северу нужно холодное солнце.

Вы скажете, пример слишком уж отдален от поставленного нами вопроса. Слишком много разного смешано. Природные явления, очередь в мясном магазине и приобщение народа к культуре. Однако нет здесь эклектики. Души человеческие так

же разнообразны, как природа, но способны к большим переменам. Холодное солнце официальной культуры может сделать эти перемены плодотворными. Вот где б только найти просвещенных мясников, помнящих наизусть «Евгения Онегина»? Остро отточенный топор редко сочетается даже с дурно настроенной лирой.

Так думал интеллигент-«шляпа» без почек, стоя в мясной очереди и наблюдая, как под бренчащие, но все-таки звуки пушкинской лиры народ получает мясо. Притих народ. Размяк народ.

— Мы согласны с вами, — кто-то из очереди размякший мяснику, — нам бы мяса.

Глаза мясника сверкают насмешкой за стеклами профессорских очков, но хирургически чистое ручище держит тяжелый мясной топор. Решается Авдотьюшка.

— Мне б мяса, — говорит жалобно, — стоять не могу, ноги не держат.

Народ устал, настоялся народ, недоволен народ. Но просвещенный мясник учит народ деяниями своими.

— Вам какого, бабушка? — соизволил проявить милость монарха мясник.

— Мне бы этого. — И пальцем в облюбованный кусок.

Берет мясник кусок своими белыми ручищами. Хорош, сочен кусок. И косточка рафинадная. Глазам своим не верит Авдотьюшка. Счастье-то какое.

— С праздничком вас. — Это она мяснику польстить хочет, чтобы не передумал.

— Я вам признателен, — отвечает мясник, — с каким? Партийным или церковным?

Ропот рассеивается. Весело народу, хоть и тесна очередь. А вместе с весельем и сознание появляется.

— Нам тяжело, — говорит кто-то, — а старикам одиноким как же?

Тянется к мясцу Авдотьюшка. Не дает мясник. Даже разволновалась Авдотьюшка. И напрасно.

— Разрешите, я вам в кошелочку положу, — говорит мясник.

Легло мясо в кошелочку. Повернулась радостная Авдотьюшка уходить, а мясник ей вслед:

— Спасибо за покупку.

— Дай бог здоровья, — отвечает Авдотьюшка.

Вышла Авдотьюшка, идет — улыбается. За угол зашла, из кошелочки мяса кусок вынула, как ребеночка понянчила и поцеловала. Может, цыплятина и лучше, да цыплятина не родная, Авдотьюшкой не куплена, а это мясо свое. Плохо день у Авдотьюшки начался, да хорошо кончается. Раз везет, значит, этим попользоваться надо. Решила Авдотьюшка в магазин сходить далекий, который редко посещала. «Ничего, там по дороге скамеечка, посижу и дальше пойду. Авось чего-либо добуду...»

Пошла Авдотьюшка. Идет, отдыхает, опять идет. Вдруг на встречу дурак. Знала она его в лицо, но как зовут, не знала.

Дурак этот был человек уже не молодой, голову имел обгорелую и потому всегда кепку носил. Ездил этот востроносый дурак городским транспортом и из бумаги профили людей вырезал. Похоже, кстати, но за деньги. А ранее работал дурак на кожевенном комбинате художником. Однако раз вместо лозунга: «Выполним пятилетку за четыре года» написал: «Выполним пятилетку за шесть лет». Чего это ему в голову пришло? Впрочем, родной брат дурака, герой-полковник, ордена, квартира в четыре комнаты, почетный ветеран Отечественной войны — и вдруг публично заявил: «Сегодня по приказу Верховного главнокомандующего товарища Сталина в городе выпал снег». А товарища Сталина к тому времени не то что на этом свете, но и в мавзолее-то уже не было. Как же он мог снегу приказать? Думали, неудачно шутит полковник, пригляделись: искренне излагает, и глаза нехорошо блестят. Одним словом, дурная наследственность. Может, оно и так, дурак-то он дурак, но говорят, что младший брат полковника, художник, подальше от своего района, там, где его знают поменьше, подошел к самой пасти кровожадной свирепой многочасовой очереди на солнцепеке, выстаивавшей к киоску, где продавали раннюю клубнику, и произнес: «Именем Верховного Совета СССР предлагаю отпустить мне три килограмма клубники». При этом он предъявил собственную правую руку ладонью вперед. Ладонь была пуста, но народ ему подчинился, и он взял три килограмма клубники... Вот тебе и дурак...

Увидел Авдотьюшку дурак и говорит:

— Бабка, а в пятнадцатом магазине «советскую» колбасу дают... И народу никого.

Мужчина, который рядом шел и тоже услышал, говорит:

— Что это вы болтаете... У нас вся колбаса советская, у нас еврейской колбасы нету.

— Вкусная колбаса, — отвечает дурак, — пахучая. Я такой давно не видал.

— Да он же того, — шепотом Авдотьюшка мужчине и себя по платку постучала.

— А, — понял антисемит и пошел своей дорогой.

Пятнадцатый же магазин тот, куда Авдотьюшка шла.

Приходит. Магазин длинный, как кишка, и грязней грязного. Даже для московской окраины он слишком уж грязный. Магазин, можно сказать, сам на фельетон в газете «Вечерняя Москва» напрашивается. Продавщицы все грязные, мятые, нечесанные, стоят за прилавком, как будто только что с постели и вместо кофе водкой позавтракали. И кассирша сидит пьяная, а перед ней пьяный покупатель. Лепечут что-то, договориться не могут. Она на рязанском языке говорит, он на ярославском. А подсобники все с татуировкой на костлявых руках и впалых, съеденных алкоголем грудях... У одного Сталин за пазухой сидит, из-под грязной майки выглядывает, как из-за занавески, у другого орел скалится, у третьего грудь морская — маяк и надпись: «Порт-Артур».

Знала Авдотьюшка про этот магазин, редко здесь бывала. Но ныне пошла. Заходит Авдотьюшка озираясь, видит всю вышеописанную картину и уже назад хочет. Однако глянула в дальний угол, где написано: «Гастрономия». Глянула, глазам не поверила. Правду сказал дурак. Лежит на прилавке красавица-колбаса, про которую и вспоминать Авдотьюшка забыла. Крепкая, как темно-красный мрамор, но сразу видно, сочная на вкус, с белыми мраморными прожилками твердого шпига. Чудеса, да и только. Как попало сюда несколько ящиков деликатесной, сырокопченой партийной колбасы, словно бы прямо из кремлевского распределителя? И почему ее сам торговый народ не разворовал? Видать, по пьянке в массовую торговлю выпустили. И этикетка висит: «Колбаса «советская». Не соврал дурак. Цена серьезная, но те, дешевые, с крахмалом и чесноком. Матвеевна говорила, в колбасу мясо водяных крыс подмешивают, из шкур которых шапки шьют. А здесь мясо чистокровное, свинина-говядина. И мадерой мясо пахнет... Чем ближе Авдотьюшка подхо-

дит, тем сильнее запах чувствует. Это ж если тонко нарезать да на хлеб, надолго празднично можно завтракать или ужинать.

А ведь было время, ужинала Авдотьюшка не одна. Самовар кипел червонного золота, баранки филипповские. Он красавец был. И у Авдотьюшки коса ржаная. В двадцать пятом году это было... Нет, в двадцать третьем... Колбаски полфунта в хрустящем пакете. Колбаска тогда по-другому называлась, но это она самая... Принесет, говорит: «Употребляйте, Авдотья Титовна. На мадере приготовленная». И балычку принесет... «Употребляйте», — говорит.

— Ну что, девка, — говорит Авдотьюшке пьяная нечесаная продавщица, — покупаешь колбаски? Раз в десять лет такую колбаску достать можно.

А Авдотьюшка не отвечает, ком в горле.

— Какую берешь, — спрашивает продавщица, — эту? — И поднимает крепкий сырокопченый батон.

А Авдотьюшка не видит, слезы в глазах.

— Чего плачешь, — спрашивает продавщица, — зять из дому выгнал?

— Нет у меня зятя, — еле отвечает Авдотьюшка и всхлипывает и всхлипывает.

— У ней, видать, украли что-то, — предположил подсобник с морской грудью, — украли у тебя что-нибудь, старая?

— Украли, — сквозь слезы отвечает Авдотьюшка.

— Ты, что ль, Микита? — И к тому, у которого Сталин из-за майки-занавески выглядывает...

Микита этот, кстати, Сталиным своим очень гордился и в разных местах, за разными бутылками одну и ту же историю рассказывал про сержанта, которого в сорок пятом году расстреливать должны были, так как он немку-малолетку изнасиловал... Отомстил немецким карателям, которые сожгли его хату со всем, что в ней было живого и неживого. Насилует сержант немку и плачет, и кричит: «За мать мою, Василису Тихоновну! За деда Прокопа! За сестру Надьку! За пацанят Надькиных Леньку и Женьку и за пацанку Надькину Людку!» А в конце вогнал немке в то самое место бутылку с криком: «Смерть немецким оккупантам!» Умерла немка, а сержанта приговорили к расстрелу. Вывели его расстреливать, он рубаху на груди разорвал, там Сталин. И не расстреляли, послали в штрафной батальон... Правда,

всякий раз по-новому Микита рассказывал. Иногда сержант этот был из другого полка, иногда из соседней дивизии, а иногда он сам, Микита, этим сержантом и был...

— Ты, что ль, Микита?

— Да я ее в глаза не видел, — отвечает Микита, — у ней, старой, только геморрой украсть можно.

— Украли, — говорит Авдотьюшка, и слезы льются, льются... Давно так не плакала.

— Украли, в милицию иди, не мешай торговле, — говорит продавщица и сырокопченный батон на весы кладет, антисемиту вешает.

Видно, опомнился антисемит, вернулся, поверил дураку. И другой народ подходит все более и более. Растрезвонил дурак про «советскую» колбасу.

О «советской» колбаске следует сказать особо. Колбасные очереди наряду с очередями апельсиновыми являются главным направлением торговой войны между государством и народом. Мы с вами в настоящих колбасных и апельсиновых очередях не стояли, потому что Авдотьюшка их избегает. Хитра Авдотьюшка, и посадские хитры. И украинцы-«махновцы» редко там попадают. Они больше по окраинам, где какой дефицит выбросят. Кто же стоит-воюет в тех очередях? Вокзалы. А что такое вокзалы? Это сам СССР. Но за апельсинами СССР поневоле стоит. Выращивает СССР в обилии вместо груш-яблок автомат «Калашников», а «третий мир» апельсин выращивает. Натуральный обмен вне марксова капитала. Не свой, не привычный продукт — апельсин. От него у СССР отрыжка горько-кислая. Не серьезный продукт апельсин, под водку не идет. Детишкам дать погрызть разве что. Иное дело колбаска...

В колбасная Москва вокзальный дух, вокзальная духота... Кажется, вот-вот прямо в московских колбасных, вызывая головную боль, закаркает диктор: «Внимание, начинается посадка на поезд номер...»

И пойдут поезда прямо из московских колбасных на Урал, в Ташкент, в Новосибирск, в Кишинев... Вокзальный народ не буйный. Посад хитер, а вокзал терпелив. Хитрость — она резиновая, а терпение — оно железное.

Раньше в московских колбасных приятно пахло копченостями. Теперь там запах давно не мытых дорожных тел. Да не про-

сто тел. Ногами в колбасных воняет. Намученными, взопревшими ногами. Не на час, не на два, на целый день вокзал устраивается. Садятся некоторые передохнуть, разуваются. Железо ждать умеет. И свое соображение у железа тоже есть. Знает, какие продукты на какие расстояния везти можно. Ведь образование в СССР шагнуло далеко вперед. Высок в очередях процент образованного народа. Инженеры стоят, химики-физики... Стоят, рассчитывают... До Горького мясо доезжает и маслице. А до Казани мясо протухает, но колбасы вареные выдерживают. За Урал копчености, чай, консервы везти можно. Апельсины те же для баловства ребятишкам. Но лучше нет настоящей копченой колбаски. И терпеливо железо стоит. Стоит СССР в очередях за колбасой. «Эх, милая, с маслицем тебя да с хлебом, как в былые времена».

Опомнилась и Авдотьюшка.

— Я первая, — кричит, — я очередь первая заняла.

Куда там, оттерли. Обозлилась Авдотьюшка, уж как обозлилась: «Народ нынче оглоед, народ нынче жулик». Разошлась Авдотьюшка от обиды. Платок с головы сбился. Об кого-то кулак свой ушибла, об кого-то локоть рассадил. Поднатужилась Авдотьюшка, попробовала пихнуть. Да тут ее саму пихнули. Какой-то, даже не оборачиваясь, задом пихнул. А зад у него передовой, комсомольско-молодежный, железобетонный.

В больнице очнулась Авдотьюшка. Очнулась и первым делом про кошелочку вспомнила.

— А где же моя кошелочка?

— Какая там кошелочка, — отвечает медсестра, — вы лучше беспокойтесь, чтоб кости срослись. Старые кости хрупкие.

Но Авдотьюшка горюет — не унимается.

— Там ведь и мясо было, и селедочка, три короба, и хлеб, и яйца, два пакета... Однако пуще всего кошелочку жалко... Где ж она теперь, моя кормилица, где ж она теперь, моя Буренушка?

В той же больнице, где Авдотьюшка, инженер Фишелевич лечился, кибернетик низкооплачиваемый. В больнице, как в тюрьме, люди быстро знакомятся.

— Юрий Соломонович.

— Авдотья Титовна.

— У вас, Авдотья Титовна, что?

— Пихнули меня.

— А что это такая за болезнь, — иронизирует Фишелевич, — у меня, например, перелом правой руки.

Пригляделась Авдотьюшка.

— Точно, — говорит, — тебя из очереди в правую сторону выбросили, я вспомнила. Но не горюй. Без яиц остаться не так обидно, как без колбасы.

Среди больных заслуженная учительница была с тазобедренным переломом. Начала она обоих стыдить:

— Как вы можете вслух такие анекдоты рассказывать.

— Какие анекдоты, — говорит Авдотьюшка, — все правда святая... Яйца болгарские, а колбаса «советская».

— Вы еще и антисоветские анекдоты про Варшавский договор здесь рассказывать вздумали, — возмущается учительница и еще более стыдит, а особенно Фишелевича, того по еврейской линии стыдит и обещает выполнить свой гражданский долг.

— Позвольте, — пугается Фишелевич, — слова Авдотьи Титовны советская печать подтверждает. — И достает из тумбочки большую книгу в коричневом переплете.

Часто читал Фишелевич эту книгу, и все думали — роман читает.

— Вот, — говорит Фишелевич, — вот сказано: «К наилучшим деликатесным сырокопченым колбасам заслуженно причисляют колбасу «советскую». В ее фарш, приготовленный из нежирной свинины и говядины высшего сорта, добавляют очень мелкие кубики твердого шпига, который дает на разрезе привлекательный рисунок. Обогащает вкус и аромат «советской» колбасы коньяк или мадера и набор специй. Перед использованием рекомендуется нарезать колбасу тонкими полупрозрачными ломтиками».

— Вот оно как, — говорит шофер, который с переломом обеих ног в кресле на колесиках передвигался, — вот оно, значит, как ее начальство нарежает.

Тут опять учительница.

— Это, — говорит, — диссидентская книга... Эту книгу диссиденты распространяют, чтоб над нашими временными трудностями поглумиться... Негодяи, сионисты... Но знайте, ироды, что я старая контрантисоветчица. — И зарыдала от обиды и от невозможности всех приговорить к расстрелу.

Дали ей успокоительную таблетку. Но ведь права, ведь права депутатка райсовета. В нынешний период развитого социализма кулинарная книга о вкусной и здоровой пище есть самая диссидентская, подрывная и насмешливосатирическая. Однако и Фишелевич хитер. Хитер Фишелевич.

— Извините, — говорит, — книга одобрена Институтом питания Академии медицинских наук СССР. Главный редактор академии Опарин.

— Раз одобрено академиком СССР, — говорит шофер, — значит, читай дальше.

И с тех пор часто читал Фишелевич книгу вслух. Много нового узнал из нее больной народ. И про сервелат, и про колбасу слоеную, и про уху из стерляди, которую лучше всего подать с кулебякой или расстегаем. В тарелку с ухой можно положить кусок вареной рыбы.

— Любите рыбку, Авдотья Титовна?

— Уважаю...

— А я люблю мясо с лапшой.

Это уже неизвестно кто реплику вставил. Даже неизвестно, какой у него перелом. А подавай ему мясо с лапшой.

— Ваша фамилия?

— Шаргомьжский.

— Отлично... Читаем дальше.

А дальше про ростбиф целая новелла. И про индейку жареную поэма. И про заливную ветчину по-русски. Причем было сказано: хрен подается отдельно.

— Это верно, — сказал шофер, — по-русски теперь хрен подается отдельно.

От такого чтения у учительницы поднялась температура, и она перестала выходить из своей палаты. А Авдотьюшка слушает, слушает. «Эх, все бы это да в кошелочку». Кошелочка-кормилица ей родным существом была. Она ей по ночам несколько раз снилась. Привыкла Авдотьюшка к своей кошелочке. Как это она другую сумку возьмет, с ней по очередям ходить будет... Печалится, горюет Авдотьюшка. Однако раз медсестра говорит:

— Родионова, вам передача.

Родионова — это Авдотьюшки фамилия. Глянула Авдотьюшка — кошелочка... Еще раз глянула — кошелочка... Не во сне, наяву — кошелочка... Мясца нет, конечно, и яичек, да и из

трех селедочных коробок — одна. Но зато положена бутылка кефира, пакетик пряников и яблочек с килограмм...

Как Авдотьюшка начала свою кошелочку обнимать, как начала Буренушку гладить-баловать... А потом спохватилась— кто ж передачу принес? Одинокая ведь Авдотьюшка. Полезла в кошелочку, на дне записка корявым почерком: «Пей, ешь, бабка, выздоравливай». И подпись — «Терентий». Какой Терентий?

А Терентий — это тот подсобник с морской татуировкой, с «Порт-Артуром» на груди.

Значит, и в самых темных душах не совсем еще погас Божий огонек. На это только и надежда.

*Апрель 1981 г.
Западный Берлин*